

А. А. Бурькин, В. А. Попов

Алексей Алексеевич Бурькин — доктор филологических наук и доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвострановедения русского языка Института лингвистических исследований РАН; в настоящее время по совместительству работает в Калмыцком научном центре РАН; член редколлегии «Свода калмыцкого фольклора».

Автор многочисленных (более 1000) научных работ, среди которых особенно известны: «Малые жанры эвенского фольклора» (2001); «Шаманы: те, кому служат духи» (2007); «Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX веков» (2013); «Слово о полку Игореве: текст, язык, автор» (2017).

А. А. Бурькин и В. А. Попов — ведущие российские исследователи систем родства, лауреаты высшей награды в области этнологии и антропологии — премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (2020) за цикл научных работ по антропологии родства.

Владимир Александрович Попов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; член редколлегии международного журнала «Kinship».

Автор более 800 научных работ, среди них: «Ашантийцы в XIX веке. Опыт этносоциологического исследования» (1982); «Этносоциальная история аканов в XVI—XIX веках» (1990); «Потестарность: генезис и эволюция» (1997, в соавторстве); «Алгебра родства и власти» (2014); «Неотрадиционализм» (2019, в соавторстве). В качестве составителя и отв. редактора подготовил к изданию 25 сборников статей и 18 выпусков альманаха «Алгебра родства» (1995–2019).

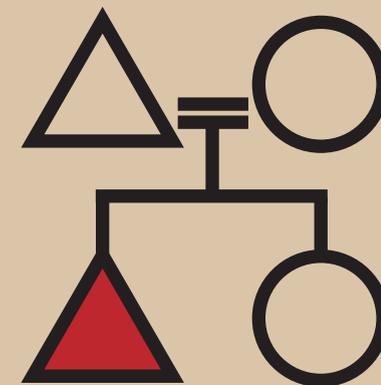
РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
РОДСТВА И СВОЙСТВА

РУССКАЯ

ТЕРМИНОЛОГИЯ

РОДСТВА И СВОЙСТВА

А. А. Бурькин, В. А. Попов

ISBN 978-5-85803-542-8

9 785858 103542 8

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)
Kalmyk Scientific Center

A. A. Burykin, V. A. Popov

**RUSSIAN TERMINOLOGY
OF KINSHIP AND AFFINITY**

**historical dynamics
axiological fields
communicative discourse**

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский музей)
Калмыцкий научный центр

А. А. Бурькин, В. А. Попов

РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА

**историческая динамика
аксиологические поля
коммуникативный дискурс**

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2020

УДК 392.3(014)=82
ББК Т52(2=Р)-519+Ш141.2в4

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

*Утверждено к печати
Ученым советом Института восточных рукописей РАН
и Ученым советом Калмыцкого научного центра РАН*

Отв. редактор:
член-корреспондент РАН С. А. Мызников

Рецензенты:
доктор филол. наук О. В. Трофимова, доктор ист. наук С. А. Французов,
канд. филол. наук А. Ю. Москвитина (Сиим), канд. ист. наук А. В. Шабашов

Бурыкин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. — 320 с.

Б 90 Монография посвящена исследованию коммуникативного дискурса и аксиологических полей русской терминологии родства и свойства. Основным источником информации послужил электронный ресурс «Библиотека лексикографа». Дана развернутая характеристика русских терминов родства, супружества и свойства. Особое внимание уделено специфике и исторической динамике системы терминов родства и свойства русских на протяжении XVIII–XXI вв. Представлены результаты изучения этимологии фразеологизмов со значением ‘дальняя родня’ и семантики терминов родства в говорах восточнославянских языков, а также полевые материалы о терминологии родства у русских старообрядцев Латинской Америки и в субкультурных сообществах российских мегаполисов.

Книга предназначена для специалистов по истории русского языка и этнографии русского народа, этносоциолингвистике и антропологии родства, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами языкового бытия русского мира.

ISBN 978-5-85803-542-8
DOI 10.25882/sfy9-xb39

ISBN 978-5-85803-542-8

9 785858 103542 8

© А. А. Бурыкин, 2020
© В. А. Попов, 2020
© Петербургское Востоковедение, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	8
ВВЕДЕНИЕ.	11
Современное состояние и проблемы изучения русской терминологии родства и свойства.	12
Источники и методы исследования.	20
Коммуникативный дискурс русской системы терминов родства и свойства.	24
Аксиологические поля русской терминологии родства и свойства.	33
ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА	37
Термины кровного родства	38
Второе восходящее поколение: термины для родителей родителей (<i>дед, бабушка</i>)	38
Первое восходящее поколение: термины для родителей (<i>отец, мать</i>)	38
Нулевое поколение: термины для сиблингов (<i>брат, сестра</i>)	39
Первое нисходящее поколение: термины для детей (<i>сын, дочь</i>)	39
Второе нисходящее поколение: термины для внуков (<i>внук, внучка</i>)	39
Третье восходящее поколение: термины для прародителей родителей (<i>прадед, прабабушка, пращур</i>)	40
Третье нисходящее поколение: термины для правнуков (<i>правнук, правнучка</i>)	42
Термины родства для предков и потомков ± 4 поколений (<i>прапрадед, прапрабабушка, праправнук, праправнучка</i>)	46
Первое восходящее поколение: термины для сиблингов родителей (<i>дядя, тётя</i>)	49
Первое нисходящее поколение: термины для ниблингов (<i>племянник, племянница, нетий</i>)	50
Нулевое поколение: термины для двоюродных сиблингов, или кузенов (<i>двоюродный брат, двоюродная сестра, кузен, кузина</i>)	50
Первое восходящее поколение: термины для кузенов родителей (<i>двоюродный дядя, двоюродная тётя</i>)	55

Термины для сиблингов предков и потомков ± 2 поколений родителей (<i>двоюродные дедушка и бабушка, двоюродные внук и внучка</i>)	56
Термины троюродного родства	59
Термины четвероюродного родства	62
Вокативные термины родства (<i>тятя, батя, папа, отец, мать, мама, дядя, тётя, дедушка, бабушка</i>)	64
Фантомы русской системы терминов родства (<i>дщерница, сыновец, братанич, сестрич, сестрична</i>)	65
ТЕРМИНЫ СУПРУЖЕСТВА И СВОЙСТВА	67
Наименования супругов (<i>муж, жена</i>)	67
Первое восходящее поколение: термины для родителей супругов (<i>тесть, тётца, свёкор, свекровь</i>)	68
Второе восходящее поколение: термины для предков супруги (<i>пратесть, пратётца</i>)	71
Нулевое поколение: термины для сиблингов супруги (<i>шурин, свояченица</i>)	72
Нулевое поколение: термины для сиблингов супруга (<i>деверь, золовка</i>)	78
Нулевое поколение: термины для супругов сиблингов супругов (<i>своjak, сношенница, ятровь</i>)	86
Взаимные термины для родителей супругов (<i>сват, сватья</i>)	92
Термины внутреннего свойства (<i>зять, невестка, сноха</i>)	97
Описательные термины внешнего свойства (<i>брат жены, сестра жены, брат мужа, сестра мужа</i>)	109
Галлицизмы в русской номенклатуре свойства (<i>beau-père, beau-frère, belle-mère, belle-sœur, beau-fils, belle-fille</i>)	161
Аксиологические аспекты русской системы терминов свойства	175
ТЕРМИНЫ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА	185
Приемные родители, дети и внуки (<i>приемные отец и мать, приемные сын и дочь, приемные внук и внучка, отчим, мачеха, пасынок, падчерица</i>)	185
Термины родства со словом <i>неродной</i>	198
Побочные дети (<i>побочный сын, побочная дочь</i>)	202
Кумовство, крестники и крёстные родители	204
ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА В ГОВОРАХ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ.	209
Нулевое поколение: термины родства, производные от основы <i>брат-</i>	211

Нулевое поколение: термины родства, производные от основы <i>сестр-</i>	214
Первое нисходящее поколение: термины родства, производные от основы <i>сын-</i>	216
Первое восходящее поколение: термины родства, производные от основ <i>вуй-</i> и <i>стрый-</i>	217
Термины свойства (<i>шурин/швагер, невестка, золовка, ятровь, свекровь</i>)	220
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	
СО ЗНАЧЕНИЕМ ' <i>ДАЛЬНЯЯ РОДНЯ</i> '	226
Седьмая вода на киселе	226
Нашему забору двоюродный плетень	229
ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА РУССКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА.	
Модальное фокусообразование	235
Семантическая девальвация (компенсационная диверсификация, деконструктивная мультипликация)	237
Интеррогация	241
Эрратив	244
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252
ПРИЛОЖЕНИЯ	260
<i>А. А. Бурькин.</i> Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений (на материале вологодских имущественных описей конца XVIII века)	260
<i>А. А. Бурькин.</i> Термины родства в пьесах А. Н. Островского — скрытый феномен языка русской художественной литературы XIX века	267
<i>Н. А. Добронравин.</i> Терминология родства у старообрядцев Параны (Бразилия)	275
<i>Т. Б. Щепанская.</i> Термины и матрица родства в субкультурных сообществах российских мегаполисов на грани XX–XXI вв.	280
<i>В. А. Попов.</i> Основные направления и проблемы изучения феномена родства	292
<i>В. А. Попов.</i> О современной ситуации в антропологии родства, или перестали ли этнографы заниматься изучением систем родства	297
Глоссарий	302
Библиография	306
Список сокращений	318

ПРЕДИСЛОВИЕ

К середине XX в. окончательно сформировалась одна из основных субдисциплин современной этнографии (социальной/культурной антропологии) — антропология родства (или kinship studies в англоязычной традиции), объектами изучения которой стали системы родства (СР) и системы терминов родства (СТР), а также феномен родства в целом и его корреляции с формами семьи и брака, разновидностями счёта социального родства и преемственности (филиации), нормами наследования (статуса и имущества), локальностью брачной резиденции, половозрастной стратификацией и социально-возрастными системами типа возрастных классов и т. д.

Становление антропологии родства восходит к работам Л. Г. Моргана, открывшего феномен систем родства, и П. А. Лавровского, показавшего механизмы семантических изменений терминологии родства. Их последователи, развивая этносоциологические теории первого и историко-филологические наблюдения второго, сформировали две самостоятельные научные традиции — этнографическую (социально-антропологическую) и лингвистическую, или социолингвистическую (подробнее см.: [Крюков 1972: 5–16, 27–66; Дзибель 2001: 11–67]).

В основе как этнографического, так и лингвистического подходов к изучению родственных отношений лежит тезис о необходимости разграничения сущности (плана содержания) и формы проявления (плана выражения), т. е. различения систем родства (как систем отношений социального родства) и систем терминов родства (как эгоцентрического выражения этих отношений в терминах родства). При этом этнографы изучают системы родства (план содержания), а лингвисты — терминологию родства, или номенклатуру родства (план выражения), т. е. лексико-семантическую группу конкретного языка. Но так как план содержания возможно познать только через план выражения, терминология родства становится объектом изучения и этнографов, которые прежде всего выявляют правила соотнесения плана выражения с планом содержания (термины родства и родственные отношения), или, другими

словами, те принципы группировки родственников, которые превращают номенклатуру родства в систему (СТР). Лингвисты же исследуют морфологию, этимологию и семантику терминов родства одного языка или группы близких по происхождению языков.

В последние годы и лингвисты и этнографы (социальные антропологи) обратили внимание на коммуникативные и аксиологические аспекты родственных отношений, причем разработка этой проблематики фактически возможна только при междисциплинарном синтезе социально-антропологического и лингвистического исследовательских подходов. Именно коммуникативный дискурс и аксиология русских терминов родства, супружества и свойства является основным предметом рассмотрения в предлагаемой читателю монографии.

Следует отметить, что идея об исследовании коммуникативного дискурса русских терминов родства и свойства и необходимости написать данную монографию возникла в процессе выполнения научно-исследовательских проектов, поддержанных грантами Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 2011–2014 гг.: проекты № 11-01-00467а «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике» (руководитель В. А. Попов) и № 12-34-10454а(ц) «Словарь общеупотребительной специальной лексики» (руководитель С. А. Мызников). Тогда же и был собран основной материал для разработки проблем коммуникативного дискурса (см.: [Попов, Бурькин 2019]).

Нельзя не заметить, что слова, обозначающие родство, обычно известны многим, словарные определения терминов родства, супружества и свойства в целом корректны и доступны в разнообразных, прежде всего в толковых, словарях русского языка, в то время как нормы использования названий родственных отношений (не «как надо употреблять», а «как реально употребляют» термины родства и особенно термины свойства) известны весьма приблизительно и практически не исследованы до сих пор. Собственно, это понятно: даже материалы «Национального корпуса русского языка» не всегда проясняют конкретные ситуации словоупотребления и только созданный в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) ресурс «Библиотека лексикографа» (под руководством инициатора проекта А. А. Бурькина, одного из авторов данной монографии) позволил приступить к поиску решения обозначенных проблем изучения коммуникативных и аксиологиче-

ских аспектов функционирования русской системы терминов родства и свойства.

Монография состоит из Введения, четырех частей, первая из которых посвящена развернутой характеристике русских терминов родства, супружества и свойства, и Заключения. Приложения содержат две статьи А. А. Бурыкина, в которых рассматриваются специфические сюжеты, связанные с родственными и семейно-брачными отношениями у русских на протяжении XVIII–XIX вв., (в частности, аксиологические аспекты употребления терминов родства и свойства в пьесах А. Н. Островского и правовой статус отношений родства, обозначаемых определенными терминами родства), а также полевые материалы Н. А. Добронравина о терминах родства у русских старообрядцев Бразилии и Т. Б. Щепанской о терминах и матрицах родства в субкультурных сообществах в современных российских мегаполисах (Санкт-Петербург и Москва), дополняющие или уточняющие коммуникативный дискурс и аксиологию русской системы терминов родства и свойства. Завершают этот раздел две обзорные статьи В. А. Попова о современном состоянии и проблемах изучения феномена родства.

ВВЕДЕНИЕ

- Вот скажи, Валерий, кто ты мне?
- Кажется, двоюродный брат. Шурин, зять, деверь, тесть – ни бельмеса в этом не понимаю.

Ю. Бондарев. Родственники

Русская терминология родства и свойства (ТРС) для исследователя — это и простой, и одновременно чрезвычайно сложный объект для изучения. Он выглядит простым, потому что, как представляется, можно взять самый народный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и найти там все, что интересует читателя. Однако этот же объект оказывается сложным потому, что русская ТРС, по словарю В. И. Даля и его последователям-русофилам, — это терминология отношений внутри крестьянской или мещанской семьи середины XIX в. Какие термины родства использовались в среде столичной аристократии, семействах помещиков, военных, духовенства, купцов, чутко следивших за языковыми изменениями, — ответов на такие вопросы пока нет.

Другими словами, если начать конкретный разбор, кто кому кем приходится и кто как называется из родственников и родственников, станет ясно, что ТРС русских не так уж и проста для оперирования и не столь уж знакома даже тем, кто считает себя знатоком русского языка и полагает, что разбирается в системе родственных отношений, характерной для тех, кто называет себя русскими. При этом весьма важно разграничивать систему родства (СР) и систему терминов родства (СТР) русских в историко-этнографической реальности по традиционным этнографическим источникам XVIII–XIX вв., фиксирующим преимущественно крестьянскую культуру, и СР и СТР русских конца XIX — XX в., отражающих преимущественно урбанизированные отношения родства и свойства. Для данного объекта исследования традиционные этнографические методы явно не подходят, но с успехом могут быть использованы методы лингвистики в приложении к литературным, публицистическим и мемуарным текстам соответствующего периода.

Современное состояние и проблемы изучения русской терминологии родства и свойства

Следует сразу отметить, что русская терминология родства и свойства изучена крайне недостаточно. Более того, специальных работ, как лингвистических, так и этнографических, по русским терминам родства (ТР) и СТР русских, исключая диалекты, практически не существует. В этом нетрудно убедиться, изучив специальную библиографию по истории лексики русского языка [Левашов 1983]. Две проблемные статьи А. И. Моисеева [1962; 1963], книга О. Н. Трубачева [1959], освещающая этимологические проблемы изучения русских и славянских ТР, несколько лексикологических этюдов [Борисова 1974; 1976; Мишлей 1966] и первый опыт характеристики современной русской ТРС [Бурыкин 2009] — это почти все, чем располагают исследователи на сегодня, и эти труды далеко не исчерпывают разносторонней проблематики изучения СР и СТР русских, особенно если учесть темпы развития этнографии/социально-культурной антропологии, исторической и описательной лингвистики в последние десятилетия (подробнее см.: [Попов, Бурыкин 2019]).

Разумеется, русские ТР традиционно включаются во все словари русского языка [Толковый словарь русского языка 1996; Ожегов 2007; Соловьев 2004; Словарь современного русского литературного языка 1950–1965; Большой словарь 2005; Большой толковый словарь русского языка 2004; Ефремова 2000; Словарь русского языка 1999; Лопатин 1993; 2001; Русский семантический словарь 2002–2003; Сводный словарь современной русской лексики 1990; Скворцов 2005; Современный толковый словарь русского языка 2004], хотя в качестве их основного источника до сих пор выступает четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, многократно переизданный в последние 25–30 лет. Интересные материалы по СТР русских, относящиеся к разным периодам истории русского литературного языка, содержатся в словарях языка писателей [Словарь языка Пушкина 1953–1957; Словарь языка Достоевского 2001; Словарь языка Михаила Шолохова 2005; Словарь поэзии Высоцкого 1999].

В 1970–2000-е гг. опубликовано некоторое, довольно небольшое, количество работ, посвященных рассмотрению русской СТР в сопоставлении с иными СТР [Джумангельдыева 1975; 1976; Ашхарова 2002; Близнюк 2006 и др.], но особенностью этих публикаций является то, что они подают русскую СТР как нечто универсаль-

ное, статичное и панхроническое во временном интервале по крайней мере трех столетий, т. е. они не характеризуют собственно русскую СТР в ее отношении к системе современного русского литературного языка и к той СР, которая принята в среде его пользователей. Более того, сама СТР русских в таких работах используется в качестве метаязыка описания, не будучи в достаточной степени изучена, и ее специфика тем самым проецируется на описываемый материал.

Несмотря на то, что тематика исследований СР разных этносов и СТР самых разнообразных языков с 1990-х гг. постоянно расширяется, а также углубляется теоретическое осмысление проблем изучения СР и СТР, чему был посвящен и ряд работ авторов данной книги [Бурыкин 1998; 1999; 2000; 2001; 2011; Попов 1998; 2010; 2018a], исследование СТР русских все еще отстает от единого процесса изучения ТР, появляются даже специальные публикации, находящиеся как бы вне сформировавшейся научной парадигмы постижения СТР и смежной с ними проблематики (см., в частности: [Заремская 2007]) и преподносящие давно известные факты как нечто новое и экзотическое для науки.

Есть и противоположная крайность. Так, в частности, нельзя не обратить внимания на книгу Б. Н. Казаченко «Русское родство: прошлое и настоящее» [2010], которая «призвана помочь русскоговорящему Человеку (так у автора. — А. Б., В. П.) сориентироваться в терминологии русского родства», но уже само название сего капитального труда сразу вызывает вопросы и прежде всего вопрос, а что такое *русское родство* — родство русских как этноса, родство русского этноса с другими, родовая структура этноса? Оказывается, первая часть этой книги «является сводом основополагающих сведений о семейно-родственных отношениях русского народа», вторая часть «содержит полезную информацию о русском родстве». Судя по всему, автор не подозревает, что никакого русского родства не существует, как не бывает английского, китайского или зулусского родства, поскольку биологическое (генетическое) родство у всех одинаковое, различаются же типы социального родства (т. е. разные конфигурации родственников и свойственников, актуальные для данного социума на определенном этапе его исторического развития) и отражение их в терминах родства, что создает разные исторические (стадиальные) типы систем терминов родства. У современных русских и англичан разная терминология родства, но один и тот же исторический тип (линейный) системы терминов родства.

Наполнение книги вызывает очень разнородные впечатления. Ведь основным источником и непререкаемым авторитетом для автора является словарь В. И. Даля. Но, как уже отмечено, терминология родства, вошедшая в этот словарь, соответствует крестьянской или мещанской среде середины XIX в. К тому же словарь Даля никогда не был нормативным словарем русского языка и нет оснований позиционировать его в такой роли, как поступают многие, кто описывает русские ТР. Похоже, что для автора эта самая СР, отягощенная *вьями* и *стрыями*, которых фактически нет в древнерусских литературных и деловых памятниках, является императивом, который он с удовольствием транслирует в перспективу. Вариации, в которых этот набор терминов представлен в книге, просто не поддаются исчислению.

В то же время в книге Б. Н. Казаченко вообще не показаны ни динамика русской СР, ни изменения в составе и употреблении СТР русских, произошедшие за последние два столетия (примерно от словаря Даля) или за три столетия — от «Домостроя», который автором проигнорирован, хотя и упомянут в библиографии [Домострой 1902; 2014]) до сочинений Г. К. Котошихина [2000]. Автор пишет: «Шло время, менялись условия жизни и обычаи» [Казаченко 2010: 111], но как, на что менялись — этого автор нам не сообщает, это мы должны искать в источниках сами. С точки зрения истории или хотя бы хронологии, материалы книги Б. Н. Казаченко как бы парят в воздухе над исторической реальностью. Так, он пишет: «До первой четверти XX века „блядью“ на Руси именовали девицу, приглянувшуюся князю, боярину или помещику...» [Там же: 47, примеч. 4]. Тут сразу несколько исторических открытий: это «Русь» в 1924 г. («до первой четверти...»), а также *помещики*, *князь* и особенно *бояре* в те же годы... Кстати, первое значение этого слова, документированное всеми словарями, которые составляли побывавшие в России в XVI–XVII вв. иностранцы, — ‘лжеучение, ересь, ложь’ [Словарь 2004: 1976] и только потом ‘блудница’ [Там же: 198a].

Странное впечатление производит и набор ТРС в этой книге. В ней присутствуют *побратемка*, *посестра*, *посестрея*, *зятство*, *деверство*, *сибс* (почему не *сиблинг*, а английская жаргонная форма?), *сестрёнич*, *сестрична*, *холостежь*, *братдети*, *братсестра*, *стрыня*, *дедина*, *дедна*, *стрыйчич*, *стрычка*, *распряжай*, *матерма*, *нетий*, *снохач*; за последним точно нет отношений родства, потому что это семейная роль свёкра. Все эти примеры, из которых профессиональный диалектолог, активно владеющий севернорус-

ским говором, может идентифицировать и принять лишь малую часть, требуют тщательной проверки по диалектным словарям на предмет реальности в русском языке (и уж точно не принадлежат современному русскому литературному языку, а при чтении сильно напоминают блестящую пародию Ильфа и Петрова («Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи...»)).

В общем, исторический очерк русской СТР у автора не получился, а набор ТРС, который он преподносит как норму, таковым уже не является, и навязывание чего-то извне с просветительскими интенциями без учета того, что говорящим известно о русских ТРС, не вполне уместно. Историзма, обещанного автором (ср. подзаголовок книги: «прошлое и настоящее»), в книге определенно не хватает, этнографическая реальность русского родства, за исключением представлений норм церковного права и старообрядческих сочинений, ограничена снохачеством¹.

Далее Б. Н. Казаченко постулирует в качестве объекта своего изучения СТР русских. Но кто такие русские для него? Понять это совершенно невозможно. На с. 6, он обращается ко всем «солубителям русской естественной истории» за проявленный интерес «к терминологии *отечественного* родства... одним словом, к системе *русского* родства и терминологии близочества *россиян*» (курсив наш. — А. Б., В. П.). И в аннотации: «...эти родственные связи... объединяли и роднили между собой *всё народонаселение Отечества в истекшем тысячелетии*» (курсив наш. — А. Б., В. П.). Получается, что русские — это не только представители русского этноса, но и россияне и всё народонаселение Отечества (России, Российской империи, дореволюционной России, советской России, Руси, допетровской Руси, православной Руси и т. п.), а также славяне в целом и славяне Древней Руси, восточные славяне, праславяне, древние славяне, есть также упоминания о древнерусской ментальности и старорусских представлениях о родстве и старинных терминах русского родства [Казаченко 2010: 5], оказавшихся, правда, словами церковнославянского языка. Но для Б. Н. Казаченко, как, впрочем, и для многих других пропагандистов «истинной» ТРС русских, это все синонимы, хотя он просто обязан был разобраться в основных этапах этносоциальной истории России и этнической истории русских, определиться с датами и периодами и поместить все в исто-

---

¹ Кстати, это слово имеет не отмеченное словарями значение ‘зять, живущий в хозяйстве тёщи’ [Курдюков 2002], составляя словообразовательную пару к *сноха*.

рический контекст (т. е. когда и почему каждый конкретный ТРС появился, как долго использовался и когда вышел из употребления), что соответствовало бы его изначальной установке: «Методологической основой исследования были выбраны принципы объективности и историзма» [Казаченко 2010: 28].

О чем же эта книга?² И что, собственно, предлагается возрождать — ведь именно в возрождении некой истинной СТР то ли русских, то ли россиян, то ли славян, то ли... (см. выше) и заключается главная задача рассматриваемого сочинения. Похоже, что все же — всего народонаселения Отечества во II тыс. н. э. Надо ли напоминать, что Отечество у нас многонациональное, что русские живут повсюду и терминология родства все та же и за границей, что родственные связи шире этнических, поэтому в смешанных семьях наблюдается иная картина, поскольку иноязычные термины входят в обиход?

Как известно, этническая общность русских сформировалась только к концу XVIII в. [Дворниченко 2010; Русские 1997], тогда же появился и русский литературный язык, а что было до того — есть предмет изучения исторической этнографии (этнологии) и исторического языкознания (в том числе и на базе терминов родства). отождествление же русских с населением Древней Руси и тем более со всем народонаселением России абсурдно.

Отдельное направление в изучении СТР русских — это ТР, фиксируемые в различных говорах и диалектах. Они с почти исчерпывающей полнотой представлены в «Словаре русских народ-

---

² Книга Б. Н. Казаченко даже не симулякр, а, пользуясь его же выражением [2010: 214], — досадное недоразумение. Неясен ее жанр, в том числе и самому автору, который определяет его то как исследование, то как справочник, то как научно-популярное издание, то как образовательное или учебное пособие. Детально разбирать и анализировать (а точнее, опровергать) содержание книги Б. Н. Казаченко не имеет смысла. Протест вызывает буквально все, каждая фраза. Такую книгу просто нельзя было издавать. Тем не менее она опубликована, более того — дважды переиздавалась (см. стереотипные переиздания: [Казаченко 2012; 2014]), хотя тираж уже первого издания составлял 1000 экземпляров — редкий для нашего времени. Наконец, появился и аудиовариант [Казаченко 2016]. К тому же в печати находится еще и «Словарь русских терминов родства, свойства и сватовства» объемом 464 страницы, содержащий более 3 тысяч терминов! Наверное, он тоже будет полезен «всем: от домохозяйки до президента, а также всем православным христианам, готовящимся к вступлению в брак» [Казаченко 2010: 2].

ных говоров» [1965–2019]³, который является наиболее полным словарем диалектной лексики, намного превосходящим по объему и охвату территорий словарь В. И. Даля, и, в отличие от последнего, отражает речь представителей конкретных регионов, а не язык усредненных пользователей русского языка с расширенным пространственным и временным диапазоном. Немало диалектных ТР представлено в словарях отдельных русских диалектов и говоров. Тем не менее исследования, посвященные этим ТР, немногочисленны и несистематичны [Федорова 1964; Грузберг 1974; Семенова 1970; Шарапова 1967; 1972; 1976; Титовская 1972; Темников 1979; Колокольцева 1998], как и труды, рассматривающие ТР в связи с другими объектами лингвистического или этнолингвистического исследования [Костромичева 1997; Меркулова 1998]. Исключение составляют только весьма фундаментальные работы И. Б. Качинской и прежде всего ее монография [Качинская 2018].

Большую помощь в изучении СТР русских говоров призван оказать «Лексический атлас русских народных говоров», программа составления которого предусматривает специальный сбор материала по СТР⁴. Предполагается уточнить ареалы использования отдельных ТР в тех или иных значениях, определить общерусские и локальные (областные, диалектные) значения ряда ТР, выявленных в художественной литературе, уточнить хронологию некоторых явлений, не зафиксированных толковыми словарями. Далеко не исчерпана и проблематика описания диалектного материала, представленного в художественной литературе⁵.

Обсуждаемая проблематика инициирует несколько вопросов. Вопрос первый: откуда исследователь должен черпать информа-

---

³ Издание продолжается. См. также: «Инверсионный индекс к „Словарю русских народных говоров“». СПб., 2000.

⁴ Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. Часть первая. СПб., 1994; Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2005.

⁵ Так, в произведениях Ф. Д. Крюкова, одного из ярких представителей литературы донского казачества, встречаются вокативные формы для отца и матери *папуня* и *мамуня*, не известные в других говорах. В словарях донских говоров дана только форма *папуня* (при этом форма *мамуня*, находящаяся в той же фразе, словарями не отмечена, см. подробнее: [Бурьякин 2007a]). В языке М. Шолохова такие формы встречаются только в виде *папаня* и *маманя*. В чем причины такого невнимания к фактам диалектов, причем фактам, относящимся к более раннему времени, нежели те, что отражены в произведениях М. Шолохова, — понять трудно.

цию о СР и СТР русских? Естественная для этнографа практика — обратиться к информантам — здесь не даст положительного результата. В самом деле, представитель столичной интеллигенции приведет исследователю один список русских ТР, а жители провинциальных городов или крупных сёл, говорящие на литературном языке, дадут другие, более полные, но в чем-то различающиеся перечни русских ТР — кто тут будет прав? Даже в крупном городе представления о СТР русских будут заметно различаться: один информант приведет ограниченный список ТРС — тот, которым пользуется он сам, а второй, позиционирующий себя в качестве ревнителя русской культуры, даст полный список известных ему ТР, близкий к обсуждаемому в настоящей работе, и еще скажет: «Вы не знаете русского языка. Почитайте словарь Даля — там все написано». Кстати, в наши дни материалы по русским ТР, и особенно по ТС, вызывающим наибольшие трудности в употреблении у современных носителей русского языка, активно разъясняются на десятках сайтов Интернета в виде выдержек из словаря В. И. Даля или со ссылками на него, но без учета тех региональных помет, которые В. И. Даль смог расставить при собранных им словах более 150 лет назад.

Думается, нет нужды говорить о том, что со времени выхода в свет прижизненных изданий словаря В. И. Даля русский язык существенно изменился, равным образом изменилась и социальная структура его носителей и пользователей. Кроме того, как отчасти явствует из его названия («Толковый словарь живого великорусского языка»), этот словарь уже на момент составления являл собой некую интегральную сумму фактов, представляющих как русский литературный язык середины XIX в., так и русские говоры того же времени в том виде, в каком их материалы были доступны автору словаря и его корреспондентам. Поэтому ставить знак равенства между фактами из словаря В. И. Даля и лексикой современного русского литературного языка никак невозможно — чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть словарные статьи «Муж» и «Жена» и увидеть, что первые значения этих слов («мужчина» и «женщина») явно не соответствуют нашим представлениям. Умолчим о том, что упомянутый словарь, часто упоминаемый и далее, выдержал четыре издания и ни одно из них не повторяло предыдущее по своему составу.

Сказанное даёт ответ на первый вопрос: исследователь может получить местные диалектные СТР и представления о СР при работе с информантами-носителями диалектов и с диалектными сло-

варями. СТР русского литературного языка отражена в словарях современного русского языка, и этот материал лишь отчасти корреспондирует с историческими и диалектными словарями (тут степень соответствия разных словарей по материалу будет зависеть от типа словаря, в частности от того, является ли исторический или диалектный словарь полным или дифференциальным). Наконец, основным источником материалов по СТР русских являются разнообразнейшие тексты XVIII — начала XXI в., отражающие в равной мере и русский речевой этикет, и собственный узуз их авторов. К тому же довольно часто тексты, содержащие ТРС, или их фрагменты присутствуют в художественной литературе и служат наглядной иллюстрацией для этнокультурных состояний, функций и оценок отношений внутри СР русских.

Вопрос второй: какой социальной реальности соответствует та русская СТР, которая извлекается из современных словарей русского литературного языка и которая частично (важно, что практически никогда полностью) представлена в большинстве русских текстов XIX–XX вв.? Она может быть воспроизведена в виде следующего алфавитного списка: *бабка/бабушка, брат, внук, внучатая племянница, внучатый племянник, внучка, двоюродная сестра, двоюродный брат, деверь, дед/дедушка, дочь, дядя, жена, золовка, зять, мать/мама, муж, невестка, отец/папа, племянник, племянница, прабабка/прабабушка, правнук, правнучка, прадед, сват, сватья, свёкор, свекровь, свояченица, сестра, сын, тесть, тётя/тётка, тёща, троюродная сестра, троюродный брат, шурин, ятровь*.

Как можно понять и из узуса, и из настойчивых попыток «напомнить» нам некоторые ТС, в изобилии содержащиеся в современной периодике и в ресурсах Интернета, часть этих терминов утрачена. Следовательно, строго говоря, в современной русской СТР они уже отсутствуют. Это означает, что приведенный выше список уже не является современной ТР русских. Как можно полагать, по данным анализа источников, на основе которых выполнена настоящая работа, русская СТР, соответствующая вышеприведенному списку, отражает представления о СР, характерные для крестьянской и мещанской среды XIX — первой четверти XX в. ТС, употреблявшиеся в более высоких социальных слоях — *beau-père, belle-mère, beau-frère, belle-soeur*, и такие ТР, как *кузен* и *кузина*, для данной социальной среды не были характерны, и их отсутствие является четким социальным маркером. То, что некоторые термины, в частности ТС, превратились в устаревшие или уходящие из ак-

тивного употребления слова, определяет хронологические границы той СТР, которая соответствует приведенному выше списку русских ТР и ТС и уже не воспринимается как СТР современного русского языка.

Если сам состав терминов кровного родства и родства по браку (свойства) достаточно хорошо известен, то значения отдельных терминов в узусе и адекватность их толкований в словарях описаны недостаточно, не изучены проблемы конкуренции терминов с описательными наименованиями, далеко не полностью освещена в литературе и отражена в словарях сочетаемость терминов родства с компонентами *старший/младший, родной/двоюродный/троюродный, первый/второй* и т. д., *гражданский* и т. п. Оставались вне поля зрения лингвистов и этнографов и проблемы хронологии СТР русских в ее исторической динамике в XVIII–XX вв., соотношение собственно терминов и описательных наименований отдельных степеней родства в узусе. Не изучены и аксиологические характеристики концептов, связанных с родством, равно как и образный потенциал и имманентные дискурсы ТРС.

Источники и методы исследования

Развитие информационных технологий приводит к радикальным пересмотрам представлений о методах научных исследований, включая этнографические, социально-антропологические, лингвистические и филологические. Не в последнюю очередь сказанное касается таких продуктов, служащих источниками информации, как корпуса и картотеки. В отличие от источников других типов (например, архивных материалов и печатных изданий) корпуса и картотеки сами являются продуктом филологической обработки текстовых материалов и требуют постоянной или продолжительной работы по их совершенствованию — пополнению, систематизации, разбивке на сегменты для решения частных задач, оптимизации работы с ними, разработке и совершенствованию справочно-библиографического аппарата и т. п. Не последнюю роль в материале, прошедшем через многие руки, прежде чем попасть в словарь, является его почти цензурная отфильтрованность, причины для которой могут быть самые разные: от идеологического отбора авторов до субъективных лексикографических предпочтений, побуждающих отбирать слова для словаря и подбирать наиболее конформные этически или стилистически образцы употребления этих

слов. Закрытость традиционных словарных ресурсов-картотек и некоторая ангажированность авторов лексикографических трудов неизбежно отражались на полноте представлений о том, каковы же русские ТРС в письменном русском узусе в их семантике и смысловой стилистике, а также в коммуникативном дискурсе.

В связи с этим становится актуальной и задача разработки специальных корпусов лексикографической направленности, предназначенных для создания словарей тех или иных типов — толковых, исторических, терминологических и т. д. В Отделе диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН с 2008 г. разрабатывается проект «Библиотека лексикографа». Эта Библиотека представляет собой электронный корпус русских текстов, предназначенный для изучения русской лексики и фразеологии в формальном и содержательном плане и подбора иллюстративных материалов для словарной работы [Бурыкин 2008; 2010].

«Библиотека лексикографа» включает в себя тексты XVIII — начала XXI в., представляющие разные жанровые формы — в него входят художественная литература (проза, поэзия, драма), мемуарная литература и переписка, публицистика, научная литература по гуманитарным дисциплинам, общественно-политическая литература, официальные документы (кодексы законов, постановления, собрания приказов), историко-географические источники, научно-популярная литература по всем областям знаний и практик (в том числе домашнее хозяйство, кулинария, ремонт бытовой техники и т. п.). В собрании частично по мере доступности отражается и газетная и журнальная периодика. Общий объем Библиотеки в настоящее время — более 280 тыс. единиц основного корпуса (книги) и более 5 млрд. словоформ, включая извлеченные из имеющихся электронных библиотек, частью изданных на компакт-дисках («Библиотека всемирной литературы», «Библиотека Мошкова»), частью имеющихся в ресурсах электронных библиотек Интернета.

Цель составления такого собрания, которое объединяет в себе корпус, библиотеку и тезаурус-картотеку, — дать в распоряжение лексикологов и лексикографов максимально полный объем языковых фактов без какой-либо тенденциозной селективной обработки, которая неизбежно искажала бы семантическую, социолингвистическую и культурно-ценностную (социально-антропологическую) картину употребления ТРС в русском языке. То, что в качестве источника для нашего ресурса выступают художественные тексты, гарантирует, что ресурс документирует в максимальном объеме

факты современного русского литературного языка, а не иных форм языка — диалектов или просторечия. Материал, собранный в ресурсе, охватывает бытование русского литературного языка с начала XVIII в. — со времени царствования Петра Великого до наших дней. Таким образом, мы получаем доступ к колоссальному — максимально возможному на сегодня ресурсу русских текстов с определенной временной картиной, которая позволяет проследить изменчивость употребления ТРС во времени и давать характеристику современной актуальной номенклатуры родства в русском языке.

В настоящее время проект, превосходящий по объему известные корпусные ресурсы по русскому языку и постоянно пополняемый, является принципиально оффлайн-овым, доступным для знакомства и пользования в Отделе лексикографии ИЛИ РАН. Одной из приоритетных задач пополнения «Библиотеки лексикографа» является поиск образцов русской художественной литературы середины и второй половины XX в., что позволило бы воссоздать в электронном виде корпус источников первого издания 17-томного «Словаря современного русского литературного языка». Другая задача, по сути своей самостоятельная, — это заполнение лакун в корпусе текстовых источников для русских словарей, введение в оборот тех материалов, которые по разным причинам либо не были физически доступны для пополнения Словарной библиотеки и Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, либо были утрачены при библиотечных зачистках разных лет или не включались в словари даже при наличии примеров в картотеке, либо вообще не расписывались для пополнения картотеки. К материалам первого типа относятся литература русского зарубежья, представляющая первые две волны русской эмиграции: поэты — Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Н. Туроверов, Вера Булич, Ирина Кнорринг, Анна Присманова, прозаики — Б. Зайцев, И. Шмелев, М. Алданов, М. Осоргин, П. Н. Краснов, Н. Тэффи, историки и авторы исторических романов — М. Д. Каратеев, Ант. Ладинский, Г. В. Вернадский и др. Привлекают наше внимание и образцы мемуарной литературы — воспоминания участников Белого движения (П. Н. Врангель, А. И. Деникин и другие — от генералов до корнетов), мемуары и публицистика политических деятелей первых десятилетий XX в., оказавшихся за рубежом (А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков и др.), а также труды представителей русской философии конца XIX — первой половины XX в. (Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, И. Ильин и т. д.). К материалам второго типа относятся произведения репрессирован-

ных политических деятелей и литераторов, в частности для второй половины XX в. — произведения писателей, эмигрировавших из СССР или зарекомендовавших себя как диссиденты — в свое время в Словарном отделе ИЛИ РАН распространялся бюллетень, в котором содержался совет авторам словарных статей воздерживаться от цитирования советских писателей, публиковавшихся в альманахе «Метрополь», не расписывались произведения отечественных авторов, публиковавшихся в журнале «Континент» и других изданиях того же направления. Как ни странно, вне лексикографической практики оставалась и объемная детская литература, не содержащая идеологического вреда, но игравшая большую роль в выхолащивании, обеднении, упрощении русского литературного языка в виде адаптации к школьной программе. Не учитывались лексикографами и исследователями переводы произведений писателей народов России (например, романистов, писавших по-польски) и поэтов и писателей народов СССР. Ресурс «Библиотеки лексикографа» позволяет обойти все те трудности, которые не могли или не стремились обойти лексикографы XX в.

Таким образом, в качестве источников для синхронной и в известных пределах исторической характеристики СТР русских нами использованы электронные версии русских печатных текстов второй половины XVIII — начала XXI в., извлеченные из «Библиотеки лексикографа». ТРС из приведенного выше списка выявлялись в этом собрании источников с помощью компьютерного автопоиска, после чего каждый из таких терминов отыскивался во всех документах, в которых он был зафиксирован.

Электронный ресурс «Библиотека лексикографа» позволяет решить несколько задач в изучении ТРС, которые ранее даже не стояли на повестке дня, — это наличие ТР в разных типах дискурса, аксиологические характеристики ТРС, полученные на значительном объеме материала, а также стилистические свойства ТРС и использование их в разных жанрах художественной литературы.

Мы можем не останавливаться подробно на характеристике значений базовых ТР *дед*, *бабка*, *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, *брат*, *дядя*, *тётка* (в изолированном употреблении), *внук*, *внучка*, а также ТС *муж* и *жена* — они, во-первых, встречаются в огромном количестве текстов (от 20 % до 75 % текстов в исследуемом корпусе), во-вторых, в СТР эти термины отличаются тем, что имеют только одно значение. Рассмотрение каких-либо специальных вопросов — например, вокативных употреблений этих ТРС, случаев тектонимии и иных типов их языкового применения — выходит за рамки

данной работы, но может стать темой дальнейших исследований. Те ТРС, которые фиксировались менее чем в 250 текстах, подвергались сплошному просмотру в каждом из текстов (использовался поиск слов внутри документов), и из отобранного таким образом массива цитат с ТРС подбирался иллюстративный материал.

Коммуникативный дискурс русской системы терминов родства и свойства

ТРС достаточно часто встречаются в русских художественных, мемуарных и особенно в исторических текстах, в том числе в развернутых фрагментах-монологах, которые могут служить хорошими примерами употребления как отдельных терминов, так и их частных подсистем (ТР для номинации разных поколений предков и потомков, соотносительных пар ТР, обозначающих определенные типы отношений родства, генеалогии отдельных семей). Такие фрагменты служат наглядной иллюстрацией для этнокультурных состояний, функций и оценок отношений внутри СР русских. Рассмотрим один из наиболее наглядных примеров такого монолога из повести И. Бунина «Деревня»:

«Кузьма ходил как маятник из угла в угол и говорил: Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неописанная! Историю почитаешь — волосы дыбом станут: брат на брата, сват на свата, сын на отца, вероломство да убийство, убийство да вероломство... Былины — тоже одно удовольствие: „распорол ему груди белые“, „выпускал черева на землю“... Илья, так тот своей собственной родной дочери „ступил на леву ногу и подернул за праву ногу“... А песни? Все одно, все одно: мачеха — „лихая да алчная“, свекор — „лютый да придирчивый“, „сидит на палате, ровно кобель на канате“, свекровь опять-таки „лютая“, „сидит на печи, ровно сука на цепи“, золовки — непременно „псовки да клязницы“, деверья — „злые насмешники“, муж — „либо дурак, либо пьяница“, ему „свекор-батюшка вялит жану больней бить, шкуру до пят спустить“, а невестушка этому самому батюшке „полы мыла — во щи вылила, порог скребла — пирог спекла“, к муженьку же обращается с такой речью: „Встань, постылый, пробудися, вот тебе помои — умойся, вот тебе онучи — утрися, вот тебе обрывок — удавися“...»⁶

⁶ При цитировании в данной работе сохраняются стиль, орфография и пунктуация источников. (Примеч. ред.)

Чрезвычайно показательно, что в этом достаточно объемном произведении на темы крестьянского быта почти все ТР, содержащиеся в приведенном здесь отрывке, больше не встречаются.

Еще одна цитата с похожим содержанием, но в ней сделан акцент на смене поколений, т. е. на генеалогии:

«Публичный дом в пятьсот лет. Сколько здесь было предков, дедов, отцов, сыновей — и — внучат, правнуков? Сколько здесь девушек было?» [Б. Пильняк. Третья столица].

Впрочем, не все оценки родственных и семейных связей выдержаны в столь мрачном колорите. Один из современных писателей так характеризует семейные отношения в русской деревне:

«Муж и жена, называемые в торжественных случаях супругами, имели множество и других названий. Хозяин, супруг, супружник, мужик, отец, боярин, батько, сам — так в разных обстоятельствах назывались женами мужья. Жену называли супругой, хозяйкой, самой, маткой. Дополнялись эти названия несколько вульгарным „баба“, фамильярно-любовным „женка“, хозяйственно-уважительным „большуха“ и т. д. Мать называли мамой, матушкой, мамушкой, маменькой, мамкой, родительницей. Отца сыновья и дочери кликали чаще всего тятей, батюшкой (современное „папа“ укоренилось сравнительно недавно). К родителям на Севере никогда не обращались на „вы“, как это распространено на Украине.

Неродные отец и мать, как известно, назывались отчимом и мачехой, а неродные дочь и сын — падчерицей и пасынком. Дети родных братьев и сестер назывались двоюродными. Маленькие часто называли деда „дедо“, а бабуку „баба“, дядюшку и тетушку племянники звали иногда божатом, божатком, божаткой, божатушкой или крестным, крестной. Так же называли порой и других, более дальних родственников. Невестка, пришедшая в дом из другой семьи, свекра и свекровь обязана была называть батюшкой и матушкой, они были для нее „богоданными“ родителями. По отношению к свекру она считалась снохой, а по отношению к свекрови и сестрам мужа — невесткой. Сестра называла брата брателко, братья двоюродные иногда называли друг друга побратимами, как и побратавшиеся неродные. Побратимство товарищей с клятвенным обменом крестами и тройкратным целованием было широко распространено и являлось результатом особой дружбы или события, связанного со спасением в бою. Девичья дружба, не связанная родством, тоже закреплялась своеобразным ритуалом: девицы обменивались нательными крестиками. После этого подруг так и называли: крестовые. Термин „крестовая моя“

нередко звучал в частушках. Побратимство и дружба обязывали, делали человека более осмотрительным в поведении. Не случайно в древнейшей пословице говорится, что „насаженный конь, надломленный лук да замаранный друг — никуда не гожи“.

Деверьями женичины звали мужниных братьев, а сестер мужа — золовками. По этому поводу создана пословица: „Лучше семь топоров, чем семь копылов“. То есть лучше семь братьев у мужа, чем семь сестер. Зять, как известно, муж дочери. Отец и мать жены или невесты — это тесть и теща, но в глаза их было положено называть батюшкой и матушкой. Родители невестки (снохи) и родители зятя называли друг друга сват и сватья. (Сват в свадебном обряде — совсем другое.) Женатые на родных сестрах считались свояками, а свояченицей называлась почему-то сестра жены. Звание „шурин“ существует лишь в мужском роде и для мужского пола, оно обозначает брата жены, а муж сестры является зятем для обоего пола. По этому поводу в народе бытовала шутливая загадка: „Шурина племянник — какая зятю родня?“ Не сразу и догадаешься, что речь идет о родном сыне» [В. Белов. Повседневная жизнь Русского Севера].

Этот фрагмент знаменателен не только своими литературными достоинствами и тем, что в нем точно применены почти все из интересующих нас русских ТРС. Во-первых, большая часть приведенных в нем терминов употреблена В. Беловым один раз — это неявная, но поразительная аналогия с повестью И. Бунина «Деревня», процитированной выше. Во-вторых — это будет неожиданностью для читателя — данный фрагмент выстроен писателем не по своим знаниям и представлениям, но с использованием готового материала из словаря В. И. Даля, что видно хотя бы по приведенной в тексте загадке; таким образом, перед нами попытка писателя преподнести своей аудитории уходящий языковой материал и уходящие из повседневной жизни черты социальной организации и культуры.

Впрочем, романы XIX в. демонстрируют и хорошее знание русской народной культуры, и умение восхищаться ей:

«Между тем хоровод шел своим чередом. Молодой парень представлял жениха, молодая девка — невесту; парень низко кланялся родственникам своей невесты, которых также представляли парни и девки. — Государь мой, тещюшка, — пел жених вместе с хором, — свари мне пива! — Государыня теща, напеки пирогов! — Государь свояк, оседлай мне коня! — Потом, взявшись за руки, девки и парни кружились вокруг жениха и невесты, сперва в

одну, потом в другую сторону. Жених выпил пиво, съел пироги, извездил коня и выгоняет свою родню. — Пошел, тесть, к черту! — Пошла, теща, к черту! — Пошел, свояк, к черту! При каждом стихе он выталкивал из хоровода то девуку, то парня. Мужики хохотали» [А. Толстой. Князь Серебряный].

Правда, надо признать, что почти все ТРС, встретившиеся в этом фрагменте, употреблены в романе одного из графов Толстых по одному-единственному разу.

В художественной литературе достаточно полно раскрыты родственные связи и городской семьи первой половины XX в.:

«В дедушкином доме ютилось человек пятьдесят с лишним. Дедушка, бабушка, дядя Лазарь, жена дяди Гриши с детьми, мои родители с Диной, Сашей, Олей и Игорем, вся семья Кузнецовых; ...было их ни много ни мало двадцать один человек: старик Кузнецов с женой, их дочери, подружки моей матери, с мужьями, дочери этих дочерей, зятья, невестки, мужья которых были на фронте, и, наконец, шестеро внуков» [А. Рыбаков. Тяжелый песок].

И вот как рассуждают о своих родственных связях герои соц-реалистического романа середины XX в.:

«Вот скажи, Валерий, кто ты мне? — после длительного молчания произнес Никита. — Мы считаемся родственниками? Так, кажется?»

Валерий высоко поднял брови. — То есть? Ах да! Кажется, двоюродный брат. Шурин, зять, деверь, тесть — ни бельмеса в этом не понимаю! — А твой отец, Георгий Лаврентьевич, — мой дядя?»

— Твой дядя, насколько я разбираюсь в этом генеалогическом древе, — ответил Валерий. — Короче говоря, не сомневайся, Никитушка, мы оказались родственниками» [Ю. Бондарев. Родственники].

Некоторые авторы берут на себя смелость показать, каков в недавнее время был истинный и единственный смысл изучения генеалогических и родственных связей человека и кто именно был главным и основным субъектом рассмотрения этих связей:

«Прежде всего ликвидируются семейные связи. Лагерник не имеет права быть отцом, братом, мужем и другом. Все это он оставляет, входя в лагерь. Это несовместимо с его назначением. Поэтому внутри лагеря разделяются семьи, как во времена крепостного права... или как мы об этом читали в детстве в „Хижине дяди Тома“: братьев рассылают на разные лагпункты, отцов отрывают от сыновей, жен от мужей» [Ю. Марголин. Путешествие

в страну зэ-ка]; *«Надо было видеть лицо этой кадровички, когда после долгой работы я выложила наконец перед ней заполненные листы. И как было по-человечески ее не понять! Ей, призванной вылавливать какую-нибудь раскулаченную двоюродную бабушку или жену деверя с нерусской фамилией, ей, натренированной на такие тонкости, вдруг с циничной открытостью вывалили прямо на стол смертные террористические статьи Уголовного кодекса, Военную коллегия, вечное поселение, двух репрессированных мужей и кучу репрессированных родственников со стороны Антона. Не говоря уже о массе немецких фамилий, которых не могли перекрыть православные Аксеновы, поскольку у Павла была всего одна сестра и один брат, а у Антона четыре сестры и четыре брата, двое из которых находились к тому же в Западной Германии»* [Е. Гинзбург. Крутой маршрут].

Впрочем, традиционные представления о генеалогии известнейших семейств России отражаются не только в исторических хрониках и классических компендиумах, но и на страницах современного романа с историческим содержанием:

«Всеобщее кровное родство охватывало всех. Поэты Пушкин и Веневитинов были четвероюродными братьями. Пушкин и Грибоедов — родней: бабка Хомякова, с которой по женской линии состоял в родстве Пушкин, была урожденная Грибоедова, а сам Грибоедов — двоюродным братом декабриста А. И. Одоевского. По матери Пушкин являлся родственником Чаадаева. Родственные связи соединяли Пушкина с декабристами Чернышевым, Муравьевым, Луниным. Жена Карамзина Екатерина была единокровной сестрой князя Вяземского. Жуковский состоял в родстве с братьями Киреевскими. Знакомые Пушкина Раевские значились родственниками Ломоносова, их родней были также Денис Давыдов и возлюбленная Пушкина Елизавета Воронцова. Брат жены Николая Алексеева, кишиневского приятеля Пушкина, женился на Ольге, сестре Пушкина. Другой приятель, граф Федор Толстой, по прозвищу Американец, был двоюродным племянником Льва Толстого, а сам Лев Толстой оказался четвероюродным внучатым племянником Пушкина» [Ю. Дружников. Досье беглеца].

Не менее показательны в отношении осмысления родственных связей, в основном по восходящей линии, воспоминания известных писателей и по-своему выдающихся людей XX в.:

«Но на следующий день меня повела гулять уже не дворянка-мама, а бывшая крепостная, дочка взятой прапрадедушкой в плен турчанки, моя няня Мария Тимофеевна Петрова. Это была на-

стоящая няня тех времен; она вынянчила и мою мать, и двух ее сестер и брата, и моих двоюродных брата и сестер и теперь пес-товала нас. Я любил ее (люблю по памяти и сейчас), ничуть не меньше, чем мать, отца и бабушку» [Л. Успенский. Записки старого петербуржца]; *«Мой родной брат, мальчик интеллигентной семьи, сын преподавателя, серебряного медалиста Новороссийского университета, внук генерал-майора и вятского соборного протоиерея, правнук героя Отечественной войны двенадцатого года... этот юноша, почти еще мальчик, должен будет за двадцать рублей в месяц служить в Бутырьках»* [В. Катаев. Алмазный мой венец].

Было бы несправедливым говорить о том, что представления о связях с предками, о своей родословной, о традиционности передававшихся из поколения в поколение дарований, занятий и профессий в наши дни полностью утрачены. Вот образец вполне современной генеалогии одной из московских семей:

«Мой прапрадедушка, — Виноградов Петр Ильич — известный в Москве меломан, был протоиереем и заведовал ключами Успенского собора в Кремле. А вот прадедушка, Иван Гаврилович Полканов, обладавший прекрасным тонким голосом, служил в том же соборе протодиаконом и женился на его дочери. От этого брака и родилась моя бабушка — Полканова Ольга Ивановна. Ее муж, мой дед — Толченев Иван Григорьевич — был певцом. Он служил в Государственной хоровой капелле, пел на оперной сцене и в церковных хорах. Одно время он работал и в популярном народном хоре Агреновой-Славянской, где иногда пела и моя бабушка. Перед самой революцией, в возрасте одиннадцати лет там стала выступать и их дочка, Катя Толченева, моя будущая мама. В первые годы советской власти хор эмигрировал, а скорее всего — просто не возвратился после гастролей в Манчжурию, но бабушка с дедушкой на это не решились, и слава Богу, а то неизвестно, что было бы со мной» [А. Козлов. Козел на саксе].

И вот что пишут наши выдающиеся современники о своих семьях и ближайших родственниках:

«Я бесконечно благодарна вам, Таня и Алеша, за то, что вы, мои дети, — мои самые близкие друзья. Я счастлива, что мои зять и невестка — Рема и Лиза — мне свои, а не чужие (это так нечасто бывает). Как безмерно я благодарна тебе, мамочка, за Таню и Алешу — за то, что они хорошие люди. Нам с тобой, мама, невероятно повезло: они всегда были душевно близки с нами — это наши с тобой труд, и ты вправе им гордиться. Я хочу, чтобы ты жила

подольше: ты для детей — это наша семья, наш дом. Чем дольше ты будешь с внуками и с правнуками, тем крепче будет их связь друг с другом во всей их жизни. И найди, мамочка, найди в себе сил побыть с детьми» [А. Сахаров. Воспоминания]; *«На Новый год у меня всегда одна и та же роль — я Дед Мороз. Всегда собираемся всей семьей: я, Наина; Лена и ее муж Валера; Таня и ее муж Леша; три моих внука, дети Лены, — 20-летняя Катя, 17-летняя Маша и двухлетний маленький Ванька; два внука, дети Тани, — 19-летний Борис и четырехлетний Глеб. Итого пять внуков и один правнук, сын Кати, Санечка. В этот последний Новый год Катя впервые пришла со своим мужем, Шурой. ...Недавно у Кати родился сын. Я стал прадедом, а Наина — прабабушкой»* [Б. Ельцин. Президентский марафон].

Хотя современная этнография располагает достаточно точным метаязыком для описания ТРС, русские термины активно используются в контекстах, связанных с этнографическим материалом:

«Рене начала с кровнородственной семьи у ирокезов. — Здесь все деды и бабки являются друг другу мужьями и женами... Их дети, то есть отцы и матери, и потом дети третьего поколения — это третий круг общих супругов, правнуки — четвертый. Братья и сестры — родные, двоюродные и более далеких степеней родства — все считаются между собой братьями и сестрами и уже в силу этого — мужья и жены друг другу... Непонятно? Я тоже сначала не понимала, но потом все нарисовала и стало ясно... — и показала аудитории схему со множеством стрелок, направленных в разные стороны, которые скорее запутывали, чем проясняли положение. — Тут, в общем, все друг другу и супруги и родители. Это ...стадия дикости» [С. Бронин. История моей матери].

Уже в XIX в. тема семейных отношений и генеалогии не только была объектом внимания романистов, но и активно обыгрывалась в сатирических произведениях. Вот фрагменты одного из них, дающие нам иллюстрации исключительно точного употребления тех же самых ТРС, которыми пользуемся и мы:

*Не проси у тещи тряпки
Для обтирки сапогов
И не спрашивай у бабки,
Много ль есть у ней зубов?
Помни теток именины,
Чти в кузинах благодать
И не вздумай без причины
Их под мышки щекотать.*

*Будь с невестками попроче,
Но приличия блюди
И червей, гуляя в роще,
Им за шею не клади.
Не зови за куст умильно
Дочерей на пару слов
И с племянницы насильно
Не тащи ее чулков.
Если мать иль дочь какая
У начальника умрет,
Расскажи ему, вздыхая,
Подходящий анекдот...*

[А. К. Толстой. Мудрость жизни. Вторая половина 1870 г.]

Генеалогическая тема может использоваться в русской литературе и для разнообразных стилизаций, среди которых встречаются даже литературные пародии:

«В моем безделье виноват не я, а моя бабушка, да будет благословенна ее память. Ее имя было Абла, и она была плодовита, как все в ее роде. Она родила моему дедушке — да будет благословенна и его память — шестнадцать сыновей, не считая моего отца, которые все остались живы. Да считай, что у нее у самой было двадцать два брата, да будет благословенна память всех моих родственников. У каждого из них было по двадцать сыновей. Таким образом, как ты можешь легко сосчитать, повелитель, я родился на свете с шестнадцатью родными и четырмястами сорока двоюродными дядями» [В. Дорошевич. Сказки и легенды].

Вот еще один образец такой стилизации, которую трудно отличить от чьей-то реальной генеалогии, описанной биографом или историком. Этот образец хотя и является пародийным, тем не менее содержит большинство русских ТРС в их прямом значении:

«Прадед. Прабабка. Дед. Бабушка. Братья прадеда. Сестры прадеда. Братья деда. Сестры деда. Отец. Мать. Братья и сестры отца. Дядя. Тетя. Переезд в Березкино. День ангела деда.

Прадед мой Мстислав Иоаннович Милославский был женат на Елизавете Петровне, урожденной Кочубеевой, и от их брака появились дети: Алексей, Юрий, Сергей, Ростислав, Митрофан, Василий, Анна, Мария и Марфа. Алексей вскоре умер. Ростислав, Митрофан, Мария и Анна также умерли в раннем возрасте. Из оставшихся в живых — Юрий Мстиславович женился на Анне Иоанновне, урожденной Загорской, которая умерла, оставив ему детей:

Аделаиду, Петра, Юрия, Алексея и Евангелину. Братья прадеда Святополк и Ананий вышли в отставку: первый — в чине генерал-майора, второй — полковника. Вячеслав же умер от воспаления слепой кишки. Что касается сестер, то они умерли в преклонном возрасте. Братья деда моего — Степан и Василий — и сестры — Евдоксия, Степанида и Агния — переехали в Рязанскую губернию, где до самой смерти занимались рукоделием и сельским хозяйством. После болезни дяди Вани и скоропостижной кончины тети Мани мы переехали в Березкино, где справляли день ангела дедушки, который и умер немного погодя от грудной жабы.

Замужество. Знакомство с Пушкиным, Гоголем, Грибоедовым. Иван Иванович Трубадуров. Смерть мужа. Переезд в Петербург. Гончаров. Толстоевский. Тынянов. Лев Толстой.

По смерти дедушки я вскоре познакомилась с моим будущим мужем — Иоаникием Степановичем Грациевичем. Отец его Степан Иоаникиевич Грациевич был женат на Федоре Максимилиановне, урожденной Святополковой, умершей от родов и оставившей детей: Иоаникия, Акилину, Димитрия и близнецов: Анания, Азария и Мисаила. Муж мой, будучи в чине поручика артиллерии, любил литературу и познакомил меня с произведениями Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя и Александра Сергеевича Грибоедова» [А. Архангельский. Пародии. Эпиграммы].

Родственные связи русских и в XX в. продолжают питать теми и сюжетами не только авторов, вносящих огромный вклад в освещение российской истории, как А. К. Толстой, но и сатириков и юмористов. Первый из двух приведенных ниже фрагментов фельетонов М. Булгакова выразительно характеризует прагматику родственных связей, эксплицируемых в ТР, второй демонстрирует нам особенности неприукрашенного русского речевого этикета — матерные выражения, в которых, как известно, ТР занимают весьма значительное место:

«— Наивный ты парень, — вздохнул Угрюмый, — у него ж, у Гейнемана этого, весь штат в конторе состоит из родственников. Заведующий Гейнеман, производитель работ — зять его, Марков, техник — его родная сестра Эмма Маркова, конторщица — его дочь родная Гейнеман, табельщик — племянник Гейнеман, машинистка — Шульман, племянница родной жены! — Внуков у Гейнемана нету? — спросил ошеломленный Петухов» [М. Булгаков. Тайны Мадридского двора]; «А Иван Николаич трехдюймовым беглым кроет... Родителей этой дамы отделал, принялся за вальтову тетку, я б, говорит, эту тетку, да я бы ее!! После тетки

прошел в боковую линию — своячениц, сноху и шурина изнасиловал. Потом поднялся до предков, прабабушку чью-то обесчестил, потом по внукам начал чесать. Наконец на восьмой минуте хлопнул двоюродного племянника пиковой десяткой» [М. Булгаков. Благим матом].

Как известно читателям, автор цитируемых выше фельетонов так отозвался о своих соотечественниках и современниках: «...такие как прежде.... Квартирный вопрос только испортил их» [М. Булгаков. Мастер и Маргарита]. Этот квартирный вопрос напрямую увязан с родственными отношениями в принадлежащем нашему современнику следующем тексте, из которого мы приведем лишь самое начало:

«Я одинок и живу в однокомнатной квартире. Совершенно один. Квартирка маленькая, но места много, потому что тете нужен простор. Женщина она крупная, а чтобы было еще просторней, врач посадил ее на бессолевую и безводную диету. И весь день она не ест соли и не запивает ее водой. И только перед сном она засыпает в свой рот соли. Бабушка от хруста чужих зубов просыпается и кричит из чемодана, что ей мешают читать. А вот свекру на полу не спится. Ему, видите ли, холодно на линолеуме. И теперь он спит под линолеумом. И пока свекр с деверем укладываются, мы с братом держим на руках шкаф. Осторожно, чтобы не разбудить бабушку» [К. Мелихан. Квартирка].

Таков коммуникативный дискурс, языковая и социальная среда, в которой используются русские термины родства и свойства.

Аксиологические поля русской терминологии родства и свойства

Аксиология — наука о ценностях, она занимается вопросами происхождения ценностей, проблемами их взаимосвязей, исторической иерархией и изменчивостью, формами их проявления и реализации, связи с социальными и культурными явлениями, процессами их функционирования в обществе и культуре. Пожалуй, основная форма реализации аксиологии как системы оценок общества и природы — это культура и искусство. Только по-настоящему значимые явления закрепляются с той или иной формой оценки и местом на шкале оценок в культуре и они же находят свое выражение в искусстве — прежде всего в фольклоре и литературе.

Феномен родства сложен и по своему явлению, и по своей неоднородности — этнической и исторической внутри одного этноса в разные периоды его существования, и тем более по разнообразию проявляемых оценок — социальных, возрастных, профессиональных, культурных от общественно признанных до сугубо личных.

Говоря о лингвокультурной составляющей отношений родства и ее языковой манифестации, можно выделить несколько сфер проявления оценок (для наблюдателя, читателя, ребенка в процессе освоения словарного запаса родного языка, человека, изучающего язык) или реализации оценок (для говорящего и пишущего, которые могут даже не вкладывать в написанный ими текст ничего лишнего, но просто следуют литературной и культурной традиции). Для удобства формализации и систематизации нашего предмета вслед за коллегами-филологами мы будем называть сферы проявления языковых оценок аксиологическими полями.

Одно из аксиологических полей, к которому нам придется обращаться — это поле языка и его словарного состава. Многие из авторов литературных произведений обращают внимание на формы таких ТРС, как, например, *золовка* или *мачеха*, содержащих что-то неприятное для человека. В поле языка находится не только внутренняя форма или внешний облик слова, связывающий данное слово с другими словами посредством ассоциаций; это довольно сложный процесс, к которому лингвисты приступили только несколько десятилетий назад.

Второе аксиологическое поле, не менее важное, — это сфера лингвокультуры, где смысловая сторона имеет определенный комплекс содержательных, эмоционально-экспрессивных и, соответственно, оценочных компонентов. Это хорошо известно, например, по терминам *свёкор* и *свекровь* для женщин и *тесть* и *тёща* для мужчин — сколько пословиц и обрядовых фольклорных текстов, раскрывающих эмоциональные компоненты и негативную оценку обозначаемых этими терминами персонажей зафиксировано собирателями и даже поддерживается некоторыми ревнителями ценностей традиционной русской терминологии свойства. Между тем эта самая негативная оценка данных терминов и в еще большей степени система терминов приобретенного родства — *отчим*, *мачеха*, *пасынок*, *падчерица* — не только никуда не уходит из языка, но аккумулирует коллективный, в подавляющем большинстве случаев негативный опыт соприкосновения с теми социальными явлениями, которые обозначаются этими словами, и создает опережающую оценку у тех, кто знакомится с русским языком и обществом.

У языка есть средство защиты от таких мрачных систем оценки — это синонимия, предполагающая использование сочетаний слов вместо слов, вызывающих формальную или содержательную неприязнь или отрицательные эмоции. Не случайно в русском языке наблюдается тенденция к замене таких малопонятных и не слишком активно употребляемых ТС, как, например, *золовка* или *деверь*, описательными словосочетаниями *брат мужа*, *сестра мужа*, лишёнными какой-либо оценочности и имеющими дополнительный потенциал для передачи значений — *старший брат мужа*, *младшая сестра мужа* и т. п. Слова *отчим*, *мачеха*, *пасынок*, *падчерица* заменяются словосочетаниями *неродной отец*, *приемный отец*, *неродной сын*, *приемный сын*, для лиц с высоким положением в обществе и с отнесенностью к социальному прошлому и его высшим сословиям — *побочный сын*. Эти словосочетания гибко варьируют систему оценок отношений благоприобретенного родства как с точки зрения представителей старших, так и с точки зрения младших поколений.

Третье аксиологическое поле связано с различными аспектами стилистики русского языка. Один из этих аспектов связан с проявлениями оценочности конкретных отношений родства, что выражается в частоте употребления отдельных ТРС и в их группировке в тексте. Очень многие из русских ТРС, в основном представляющих свойство, употребляются в текстах один или два раза, причем не у каждого из русских писателей. Потрясающие по красоте примеры подарил нам А. Н. Островский, у которого слово *свекровь* встречается всего один раз, причем в речи Кабанихи в «Грозе», и то же мы видим со словом *падчерица*. В кругу специалистов этот языковой прием получил название «сказал — и плюнул».

Еще один аспект, показывающий авторское отношение к ТРС, — это использование их в нелогичном контексте, не соответствующем их значению и самой возможности употребления. Характерные примеры со словом *золовка* можно найти у Гоголя, Достоевского, Тургенева, со словом *деверь* — у Зощенко и Булгакова (они обсуждаются далее в тексте книги). И это отнюдь не незнание народного языка, как представляется некоторым комментаторам, это словесная игра с теми языковыми единицами, которые уже явно выпадают из языка эпохи. Другой аспект такого типа — вынесение на обсуждение, что же обозначает какой-либо из известных, знакомых по узусу ТРС (примеры имеются в соответствующих местах текста книги), что замечательно отметила Н. Тэффи: «А мерин — это кто кому как?» Парное слово *шурин-мерин* — тоже с отнюдь не

положительной оценкой — бытовало в устном русском языке в середине XX в., но, видимо, встречалось и раньше. Следующим аспектом является доведение употребления ТРС до абсурда путем нанизывания их друг на друга с образованием длинных цепочек, причем такие образования обычно лишены смысловой конкретики.

Наконец, прекрасные образцы оценки русских ТРС в отдельности и в системе показывают стихотворения русских поэтов начиная с середины XIX в. и до наших дней — как правило, это насмешливое литературное ёрничанье, но оно было бы невозможным, если бы в русском языке поэтов-аристократов не накапливалось негативное отношение к устаревающему узусу и стоящим за ним изжившим себя социальным явлениям. В XX в. это находит выражение в бардовской песне — у В. Высоцкого в хрестоматийно известных вещах, а также в крайне интересных стилистически текстах Л. Сергеева. Эти же мотивы прослеживаются и в творчестве серьезных поэтов конца XX — начала XXI в. А. Кушнера и Ф. Искандера. Эти образцы показывают: меняются оценки слов как единиц языка, меняется ценность обозначаемых ими социальных явлений, и уже сами образцы языковых шуток и серьезных стихов, выражающих тревогу за языковой материал русской речи, становятся фактами русского языка.

Алексей Алексеевич Бурыкин, Владимир Александрович Попов

РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА
историческая динамика, аксиологические поля,
коммуникативный дискурс

научное издание

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Главный редактор — *О. И. Трофимова*
Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Дизайн обложки — *Н. В. Коломейцев*

Подписано в печать 05.11.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 20 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 496

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru